

И. С. ГАГАРИН

<Письмо И. В. Киреевскому>

23 октября/4 ноября 1842 года

Когда я, читая Ваше письмо, стараюсь дать себе отчет в Ваших понятиях о К. Ц. (Католической Церкви. — *Сост.*), я никак не удивляюсь, что она Вам не представляет ничего удовлетворительного для ума и сердца. Это происходит оттого, что Вы берете за К. Ц. какой-то чудовищный призрак, существующий единственно в воображении и которого действительно нельзя бы было изъяснить иначе как властолюбием духовенства и легковерием мирян.

Но удивляюсь я тому, чтобы Вы могли забыть, что К. Ц. прошла чрез горнило науки и критики, что уже 300 лет как бесчисленное множество еретиков и неверующих всякого разбора ежедневно нападает на нее со всех сторон, всеми возможными средствами, пользуясь свободой говорить, писать, печатать, проповедовать все что им угодно, что большая часть правительств ей враждебна, что все это не происходит в одном краю, но в целом мире, в просвещеннейших странах Европы и Америки и что между тем эта Церковь, претерпевшая от XVI до XIX столетий умственное гонение, которое может сравниться с трехвековым кровавым гонением римских кесарей, не только держится и процветает, но ежедневно распространяется, особенно в Соединенных Штатах, в Англии и в Голландии с такою быстротою, что ее враги ужасаются ее успехам.

Признайтесь, что эти успехи непонятны бы были, если бы Церковь Католическая действительно была то, что Вы воображаете.

Вы, например, очень забавляетесь мнимому противоречию, которое Вы нашли между решениями двух Пап. Если бы можно было изъяснить всю историю К. Ц. хитростию Пап, успевших уверить всех католиков, что надобно безотчетно повиноваться им, потому что они ошибиться не могут и что между тем встречаем между их решениями противоречия, подобные тому, которое Вас так забавляет, я не понял бы, как Вы можете принять на себя

труд толковать пять минут с человеком, защищающим К. Ц. Молю Бога, чтобы Он позволил мне Вас убедить, что есть в К. Ц. что-то другое, нежели Вы воображаете, и чтобы сия мысль побудила Вас заняться изучением столь важного предмета.

Что же касается до «Декреталий» Александра III, Вы привели его слова в сокращении, так что смысл их сделался темнее. Я восстанавливаю их в полноте: «*Si qui puerum ter in aquam immerserit in nomine Patris et Filii et Spiritus Sancti et non dixerit: Ego te baptizo in nomine Patris et Filii et Spiritus Sancti amen, puer non est baptizatus*»¹.

Вы же приводите слова Папы, объявившего, по Вашему предположению, противное, и даже не называете его, следовательно, я не могу знать, не были ли Вы введены в заблуждение неисправным изданием, но обращаюсь к словам Александра III, которых присовокупляю точный перевод для избежания всякого недоразумения в смысле.

«Если кто младенца погрузил трижды в воду во имя Отца и Сына и Святого Духа, аминь и не сказал: я тебя крещая во имя Отца и Сына и Святого Духа, аминь, младенец не окрещен».

Противное, по прямому смыслу, будет: если кто младенца погрузил трижды в воду во имя Отца и Сына и Святого Духа, аминь и не сказал: я тебя крещая во имя Отца и Сына и Святого Духа, аминь, младенец окрещен.

Я не знаю, чтобы какой Папа говорил что-нибудь подобное, и буду ожидать, чтобы Вы решились его назвать и привести его слова.

Если же другой Папа объявил впоследствии, что оборот фразы, употребляемой греками: «крещается раб Божий», равносителен обороту латинскому «я тебя крещая», я не вижу тут противоречия. Выходит только, что если греческий священник выпустит слова «крещается раб Божий такой-то во имя Отца и Сына и Святого Духа, аминь» в обряде крещения, таинство не совершено, так как оно не совершено, если латинский священник не произнесет слова «ego te baptizo in nomine Patris et Filii et Spiritus Sancti, amen»².

Изволите видеть, что это чрезвычайно просто.

Что же касается до того, что до Флорентийского собора перекрещивали греков, переходящих в Кат. Ц., а после Собора перестали их перекрещивать, я не имею теперь возможности делать о том разысканий, но я с трудом поверю, чтобы можно было так определительно сказать, что до Собора перекрещивали, а после Собора не перекрещивали, ибо я знаю, что в наше время, например, не перекрещивают вообще членов Греко-Российской Церкви, переходящих в Кат., но я не удивился бы, если бы такой случай представился. Однако ж из этого напрасно бы

Вы заключили, что крещение, совершаемое в Греко-Российской Ц., не признается действительным в К. Ц.

Если бы Вы потрудились взглянуть еще раз на «Декреталию» Александра III, Вы нашли бы в ней еще следующее предписание о крещении. *De quibus dubium est an baptizati fuerint, baptizentur, his verbis praemissis: si baptizatus es, ego non te baptizo; sed si nondum baptizatus es, ego te baptizo, etc., non enim videtur iterari quod nescitur esse factum (Cap. De quibus, 11, de Baptis. et de ejus effect.)*³.

Крещение такого рода употребляется теперь довольно часто во Франции для лиц, родившихся в те несчастные года, в которые богослужение было уничтожено революционным правительством, в случае, что осталось неизвестным, крещение было ли совершенно над таким лицом.

С очень недавнего времени крещение такого рода употребляется и для всех протестантов и англиканцев, переходящих в Католическую Церковь, потому что узнали по опыту, что английское и прочее протестантское духовенство обращает так мало внимания на форму таинства, что никак нельзя быть уверенным, что оно совершилось.

Я чрезвычайно сожалею, что Вы не потрудились взглянуть в Тридентский или какой другой кат<отлический> катехизис. Вы бы сами увидели, как ясно учит К. Ц. о таинствах, гораздо лучше, нежели я могу Вам передать.

Как бы то ни было, таинство в церковном смысле (*sacramentum*), по определению св. Августина, принятому в Католической Церкви, есть невидимой благодати видимый знак, для нашего оправдания установленный. *Sacramentum est invisibilis gratiae visibile signum, ad nostram justificationem institutum*. Тридентин. катех. выражается еще яснее, когда учит *sacramentum esse rem sensibus subjectam, quae, ex Dei institutione, sanctitatis et justitiae, tum significandae, tum efficiendae vim habet*.

Из всего этого следует, что таинство состоит в связи, которую Богу угодно было устроить между видимым действием человека и невидимым действием благодати.

Сие видимое действие необходимое для совершения таинства, и в нем различаются две вещи: вещество, *materia*, и форму, *forma*, что выражается также стихию, *elementum*, и словом, *verbum*. «*Accedit verbum ad elementum et fit sacramentum*», — говорит св. Августин.

Очевидно, что *вещество* и *слово* необходимы для совершения таинства, потому что они составляют части видимого действия, для которого таинство и совершается.

В крещении, например, *вещество* — вода, но погружение человека в воду не составляет крещения, если сие погружение не сопровождается

словами, знаменующими сие действие. Такие слова: *ego te baptizo in nomine Patris et Filii et Spiritus Sancti, amen*. Если они не произнесены, таинство не совершилось.

Однако ж они не все имеют равную необходимость, например: слово *ego* может быть упущено, и крещение остается действительным. Если крещают несколько человек вместе, говорят *ego baptizo vos*. Также оборот, употребляемый греками, «крещается раб Божий», признается равносильным обороту латинскому.

Потом, крещение делается ли однократным или троекратным погружением, погружение заменено ли обливанием или окроплением (*immersio, effusio, aspersio*) — все молитвы и церемонии, которыми крещение бывает сопровождается, все сие принадлежит к обряду, а не к существенной части таинства.

Я вошел в сии подробности, потому что Вы сказали в Вашем письме, что обряды в Римской Церкви имеют значение сущности, а что в Греко-Российской Церкви они почитаются только обрядами.

Вы лучше меня знаете, что признает и что отвергает Греко-Российская Церковь, но мне кажется, что она не может не признавать внешнего действия, необходимого для совершения таинства. Если Вы называете всякое внешнее действие обрядом, то для нее также есть обряды необходимые, если же Вы правильнее не называете обрядом сие внешнее действие, то Кат. Ц. обряды не имеют значение сущности, как Вы говорите.

Вы приводите в другом месте мои слова, что «Римская Ц. до разделения и после разделения признает действительность таинств Восточной Ц.», и прибавляете, что на это предложение Вы уже отвечали и показали, что учение Зап. Ц. в этом случае менялось сообразно времени и выгоде.

Извините, но я нигде не видел, чтобы Вы коснулись вопроса о действительности таинств вне Церкви. Из того, что католики сомневались в исполнении внешнего действия таинства крещения, никак не следует, чтобы они признавали или отвергали действительность священства в греческих священниках. Это два вопроса совершенно различные, и я не понимаю, как Вы могли забыть, что крещение именно единственное таинство, для которого совершающий оное может быть мирянином, еретиком, даже женщиной.

Не менее того вопрос о действительности таинств вне Церкви довольно любопытен, чтобы над ним остановились. Об учении Греко-Российской Ц. я буду говорить после: теперь я постараюсь изложить Вам учение Католической Ц.

Вопрос отнюдь не состоит в внешнем действии таинства, но в качестве совершающего. Например, если священник, законно постав-

ленный, окрестил кого не водой, а вином или елеем, очевидно, что таинство не совершено, и не от какого-нибудь недостатка в совершающем, но от неисполнения необходимых условий внешнего действия. Напротив, если мирянин вздумал поставить кого в священники, как бы строго он не держался обряда, он не может совершить таинства священника, потому что он не облечен властью, принадлежащею исключительно епископам.

Вопрос, нас занимающий, относится единственно к последнему разряду. То есть, спрашивается: священник, законно поставленный, но отлученный от Церкви, по причине раскола или ереси, сохраняет ли власть, в которую он был облечен таинством священства, совершать таинства? Кат. Ц., основываясь на том, что если такой священник возвращается к Церкви и снова принят в ее лоно, таинство священства над ним не возобновляется и, признавая неизгладимым характер священника, несмотря на его грехи, считает смертным грехом совершение таинства таковым священником, но признает таинство им совершенное — действительным.

Теперь приступим к другому вопросу. Епископ, отлученный от Церкви, имеет ли право совершать таинства, и между прочим таинство священства? Кат. Ц. решает, что он тяжко грешит, презирая повеления Церкви, запрещающей ему священнодействовать, но признает, что таинство им совершенное — истинно. Следовательно, и священник, поставленный таким епископом, имеет возможность совершать таинства. Впрочем, все те, которые приступают к сим таинствам, совершаемым вне Церкви, не способны получить благодать, сопровождающую таинство, потому что они находятся в греховном состоянии.

Вы скажете, может быть, что если священники, отлученные от Церкви, имеют власть совершать таинства, они могут также отпускать грехи посредством таинства покаяния. Но для разрешения от греха власть, происходящая от таинства священства, недостаточна. Здесь должен я изложить различие, существующее между двумя видами духовной власти, которые называются в К. Ц. *potestas ordinis* et *potestas jurisdictionis*⁴.

Таинство священства дает иерею только способность отпускать грехи, но власть приводить сию способность в действие получает он только, когда получает определенную паству, т. е. приход. Равно для епископа недостаточно быть рукоположенным, надобно иметь епархию, чтобы производить в действие способность отпускать грехи. Как скоро епископ лишается епархии, священник — прихода, как, наприм., в случае отлучения от Церкви, они лишаются тем самым власти вязать и решить.

Впрочем, другие священники могут иметь право слушать исповеди и разрешать от грехов, в приходе, кроме приходского священника, но единственно с его позволения или с позволения епископа.

Различие, существующее между *potestas ordinis et potestas jurisdictionis*, легко можно усмотреть из сравнения епископов между собою, Они все равны относительно первой власти, потому что в священнодействии то, что может делать один, могут делать и все прочие. Но большая разница существует относительно второй власти. Епархия одного архиепископа включает в себе епархии несколько епископов, а паства Папы, которая простирается на всю землю, включает все епархии всех епископов. Между тем, по власти, истекающей из таинства священства, они все равны.

Мне кажется, что это довольно просто и что нетрудно видеть, что качество, напечатленное на епископе или священнике таинством, неизгладимо, между тем как паства может быть отъемлема. А отпустить грехи может только тот, кто соединяет сии две власти, одну пребывающую в нем, другую ему врученную временно.

Никто, отлученный от Церкви, не сохраняет паствы, следовательно, никто, отлученный от Церкви, не может отпустить грехи.

Из этого следует, что в Греко-Российской Церкви Католическая Ц. признает все таинства действительными, но от них никто не может извлечь пользы, потому что все находятся в греховном состоянии. Например, приобщаются Крови и Телу Христову, но не очистившись от греха. По той же причине крещение имеет полную силу, если не было упущения во внешнем действии.

Изложив таким образом учение Кат. Ц. о совершении таинств вне ее недр, я обращаюсь к Российской Ц. и усматриваю из ее поведения в недавнем воссоединении униатов, что она признает действительность таинств, совершаемых в К. Ц.: ибо иначе она должна бы была возобновить над всеми униатскими епископами таинство священства.

Вы замечаете, что из этого действия никак нельзя ничего заключить догматического о Греко-Российской Ц. вообще, и Вы прибавляете следующее рассуждение:

«Так как мы не имеем, кроме И. Х., другой главы, то и не заключаем ничего положительно-догматического из действий одной епархии или одной Церкви. Мы не осуждаем действий, потому что не судим, но и не выводим из них непогрешительного догмата... Были некоторые епископы, которые почитали нужным перекрещивать папистов, и если они ошибались, то ошибались одни, а не Церковь, которая никогда сего не утверждала».

Я верю без труда, что она сего *никогда* не утверждала, по прекрасной причине, что со времени разделения она никогда ничего

не утверждала и не отвергала, а оставалась всегда невидимой и неосязаемой, ибо законно она проявляется только Вселенским собором, а его не было.

Но, если это для Вас не представляет никакого затруднения, я настаивать не стану. Но я у Вас сделаю вопрос гораздо более практический. Вы говорите, что из действия Русской Церкви в воссоединении униатов нельзя ничего заключить догматического о Греко-Российской Ц. вообще. Это значит, что Русская Ц. могла в этом случае ошибиться. Заметьте, что дело идет о том, епископы ли епископы униатские или миряне. По какому признаку Вы знаете, что священник, которому Вы исповедуетесь, не поставлен этими мирянами и, следовательно, сам мирянин? И как Вы подходите к Св. Причастию, не зная, по собственному сознанию, исповедовались ли Вы священнику или мирянину?

Мне кажется, что этот пример может Вам показать, что есть случаи, в которых полезно знать, что власть действующего в Церкви ошибиться не может.

Может быть, я лучше бы сделал, если бы вовсе не написал сего письма, ибо я завлекся в богословские вопросы и я слишком глубоко проникнут чувством моего недостойнства, чтобы не ужасаться моей дерзости. Надежда быть полезным и бросить несколько света на вопрос, так близко касающийся до спасения, ободрила меня. Я старался изложить со всей возможной ясностью при такой краткости учение К. Ц. о сих предметах. Если я в сем ошибся, я готов сознаться в заблуждении.

